

Роговский Александр Андреевич

ФИГУРА СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В ПИСАТЕЛЬСКИХ МЕМУАРАХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ (А. ЛУНАЧАРСКИЙ В ОЧЕРКАХ Г. ИВАНОВА И В. ХОДАСЕВИЧА)

В статье анализируются композиционные и стилистические приемы, с помощью которых мемуаристы-эмигранты создают образ наркома просвещения А. Луначарского. Личность народного комиссара дана в широком метонимическом и метафорическом смысле. А. Луначарский олицетворяет советскую бюрократическую систему и шире - советское государство как таковое. Создавая его портрет, писатели выражают свою позицию по отношению к советской государственности в целом. Принципиальным в эмигрантской мемуаристике Г. Иванова и В. Ходасевича оказывается специфика конструирования образа чиновника, не характерного для такого типа прозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 55-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 82-43

В статье анализируются композиционные и стилистические приемы, с помощью которых мемуаристы-эмигранты создают образ наркома просвещения А. Луначарского. Личность народного комиссара дана в широком метонимическом и метафорическом смысле. А. Луначарский олицетворяет советскую бюрократическую систему и шире – советское государство как таковое. Создавая его портрет, писатели выражают свою позицию по отношению к советской государственности в целом. Принципиальным в эмигрантской мемуаристике Г. Иванова и В. Ходасевича оказывается специфика конструирования образа чиновника, не характерного для такого типа прозы.

Ключевые слова и фразы: портрет писателя; А. Луначарский; писательская мемуаристика; литература русской эмиграции; Г. Иванов; В. Ходасевич.

Роговский Александр Андреевич

Московский педагогический государственный университет

kurtualdepereir@gmail.com

ФИГУРА СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В ПИСАТЕЛЬСКИХ МЕМУАРАХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ (А. ЛУНАЧАРСКИЙ В ОЧЕРКАХ Г. ИВАНОВА И В. ХОДАСЕВИЧА)

Традиционно воспоминания писателей 1920-1930-х годов XX века сосредоточены на реставрации ушедшей культуры: литературного быта, взаимоотношений известных литераторов или же портретов писателей дореволюционной поры. Объектами изображения мемуаристики такого типа, как правило, становятся литераторы, деятели культуры, их старшие современники и ровесники. Таковы, к примеру, «Живые лица» З. Гиппиус, циклы газетных очерков мемуарного характера Г. Иванова и В. Ходасевича, а позднее – мемуарная диалогия И. Одоевцевой (1967, 1983 гг.) и «Поля Елисейские» В. Яновского (1983 г.). Гораздо реже обращались писатели в своих воспоминаниях к политическим реалиям или фигурам. Оговоримся, что мемуаристика этого периода в широком смысле, безусловно, затрагивает данную тему, однако такое направление внутри массива мемуарного текста Русского зарубежья, как писательская мемуаристика, исключительно редко обращается к политикам и другим героям эпохи, не принадлежавшим к творческой интеллигенции.

В этом отношении обратимся к едва ли единственным исключениям из указанного выше правила: двум оригинальным очеркам авторов писательских мемуаров – Г. Иванова и В. Ходасевича, – которые независимо друг от друга избрали объектом своих воспоминаний А. В. Луначарского и его окружение. Надо сказать, что в мемуарном контексте о А. Луначарском писали многие, например М. Горький, но в рассматриваемых очерках образ наркома просвещения построен в соответствии с типологически общей художественной логикой. Во-первых, образ А. Луначарского неотделим от бюрократической системы, им возглавляемой; во-вторых, по своей морфологии очерки принадлежат к бытовому типу очерка с функциональным включением портретных деталей; в-третьих, каждый автор наделяет образ Луначарского локальной колоритной топикой, описывая героя в пространстве Москвы (Кремль у В. Ходасевича) или Петербурга (Зимний дворец у Г. Иванова), что позволяет мемуаристу несколько «очеловечить» персонаж, помещая его в привычные декорации.

Помимо ностальгического взгляда в прошлое, мемуаристика этого периода как явление синкретичное, включающее в себя черты художественной литературы, публицистики и документалистики, активно интересуется пореволюционным настоящим России – Советским Союзом. Однозначного неприятия в среде эмигрантов Советского государства не было, т.к. не было по сути единой эмигрантской среды, слишком неоднородны были география расселения и социальный состав. Как указывают исследователи быта диаспоры, «известные нам типы русских эмигрантов: заводской рабочий или живущий в Париже представитель старой аристократии и др. – отсылка к совершенно разным социальным мирам, которые, однако, оказывались связанными друг с другом внутри Зарубежной России» [3, с. 137]. Социальное и географическое расслоение, неоднородность русской эмиграции обуславливали известный плюрализм мнений.

Однако к концу 1920-х годов в культуре эмигрантов сложились некоторые стереотипы описания советской действительности (аналогичные сложились и в СССР по отношению к эмиграции). Общий негативный фон оценок деятельности Советского правительства был фактически предопределен личностями людей, оказавшихся в изгнании, – это напрямую высланные из страны (контингент «философских» пароходов), бежавшие под различными предлогами, а также участники белого движения – прямые политические противники актуальной для этого периода власти в стране. Хотя гражданская война была окончательно проиграна белым движением на момент 1923 года, в эмигрантской культурной среде царил уверенность в том, что советское правительство не способно сколько-нибудь долго удерживать власть и в самое ближайшее время все те, кто выехал во Францию, Германию, Италию, Китай и Турцию, вернутся на родину. Ярким выразителем таких идей в публицистике был философ Иван Ильин, опубликовавший в этот период статьи на социально-экономические темы, разоблачающие противостоительность советской власти и ее некомпетентность.

В литературных кругах яркую «антибольшевистскую» позицию занимал самый влиятельный «толстый журнал» русского зарубежья – «Современные записки», в котором неизменно печатали свои стихотворения

и воспоминания как Г. Иванов, так и В. Ходасевич. Публикуя свои мемуары, писатели в оценке прошлого опирались как на личные эстетические и аксиологические концепции, так и на представления о той аудитории, которая должна это прочесть. Наибольший интерес вызывали как у писателей, так и у читателей описания творческих деятелей Серебряного века. Однако когда объектом внимания мемуаристов становится комиссар народного просвещения А. Луначарский, по сути своей чиновник, портретно-описательная модель меняется вместе с объектом изображения. Луначарский в 20-е годы XX века служил своеобразным посредником между миром писателей и Советской властью, пытался легитимизировать работу писателя и привлечь старых мастеров на службу новой власти. Характерно, что и Г. Иванов, и В. Ходасевич сосредотачивают описание не на самом Луначарском, а на обстановке, через неё давая своеобразный портрет последнего.

А. Луначарский упоминается в мемуаристике В. Ходасевича в трёх разных очерках, время действия которых ограничено 1918 годом. Наиболее значительна фигура А. Луначарского в очерке «Белый коридор» (впервые газета «Дни», 1925 г.), давшем название изданному посмертно мемуарному циклу. Очерк состоит из трёх самостоятельных отрывков, построенных на серии композиционных повторов: 1) получение пропуска: «У кого-то в руках – пропуск на столько-то человек» [7]; 2) кремлёвский часовой: «Часовой каждого трогает за плечо и считает вслух: “Один, другой, третий”» [Там же], – устойчиво сравнивающийся с Полифемом; 3) малопродуктивный диалог с обитателями Белого коридора, за которых повествователю всегда стыдно: «Однако мы все ощущали такой стыд за него, что не имели сил просто встать и откланяться» [Там же] (о Луначарском); 4) выход из ворот Кремля с неизбежным повторением ритуала пересчёта Полифемом-охранником: «Один, другой, третий» [Там же]; 5) завершается каждая из частей своеобразным прошением небесного заступничества: первая – репликой московских старушек, поражённых видом запряжённого в сани верблюда: «С нами крестная сила!» [Там же]; вторая – решимостью замерзающих писателей, идущих ночью из Кремля: «Ничего, дойдем. Бог нас не оставит» [Там же]; третья и финальная – избавительным «В Белом коридоре я больше никогда не был – Бог миловал» [Там же]. Таким образом, создается кольцевая композиция, обуславливающая замкнутость описываемого топоса как модели мира.

Построение образа А. Луначарского в тексте осуществляется главным образом за счёт антиномичных пар. Созданный по инициативе А. Луначарского ТЕО (театральный отдел Наркомпроса) характеризуется как «учреждение бестолковое, как все тогдашние учреждения» [Там же]; работавшие в репертуарном отделе писатели «старались протащить классический репертуар, коммунисты старались заменить его революционным, которого не было» [Там же]; дается оценка самой той работы, которую приходилось выполнять писателям: «Но хуже всего было сознание вечной лжи, потому что одним своим присутствием в Тео и разговорами об искусстве с Каменевой мы уже лгали и притворялись» [Там же]. Ложь и притворство для В. Ходасевича – два наиболее отрицательных личностных качества, что хорошо видно на примере его мемуарного цикла «Некрополь», в котором негативно понимаемые мифо-биографические концепции В. Брюсова, Н. Гумилева и М. Горького построены на вольном или невольном обмане.

Фигура А. Луначарского раскрывается также через отношение к искусству. Например, показателен фрагмент, в котором Каменева (сестра Луначарского) обманом заманивает поэтов в свой литературный салон на чтения пьесы Рукавишниковой в исполнении А. Луначарского и по его протекции. В. Ходасевич так передает обстановку: «Рукавишников был не бездарен, но пошл» [Там же] – и далее характеризует чтение Луначарского и тональность выбранных произведений одним ярким эпизодом: «Есть на мельнице (так называется пьеса. – А. Р.) inferнальный кот. Он не говорит, но на протяжении всей пьесы то и дело кричит “мяу”. Луначарского давно уже нет на свете и как-то неловко сейчас вспоминать его долгое, звучное, истомное мяуканье с руладами» [Там же]. Если общественная деятельность А. Луначарского представляется глупой, то его эстетические вкусы признаются автором смешными. Откровенный комизм образа А. Луначарского в качестве «министра культуры» раскрывается В. Ходасевичем в двух анекдотах из жизни А. Луначарского, встроенных в текст воспоминаний. Первый повествует об агитационном плакате с грубой орфографической ошибкой, висевшем над дверью комиссара народного просвещения, на что тому как-то указал В. Ходасевич: «Луначарский всполошился, созвал секретарш и приказал плакат переделать, либо убрать» [8, с. 123]; но во время следующего визита В. Ходасевичу приходится «опять часа два любоваться на тот же плакат, который остался совершенно таким же, как был прежде, только висел теперь не над дверью, а рядом с ней» [Там же, с. 124]. Вторая история связана с периодом пребывания Луначарского с семьёй на Капри, где «однажды у него умер ребенок. Похоронить его по христианскому обряду Луначарский, как атеист, не мог, а просто зарыть трупики в землю все же казалось ему нехорошо. Чудак додумался до того, что стал над мертвым младенцем читать стихи Бальмонта» [Там же, с. 98]. Через описания обстановки, литературных и культурных пристрастий В. Ходасевич выстраивает образ Луначарского и шире – образ советской политической системы как порождение хаоса, но сниженного, комического, ни на что не годного.

Непосредственная портретная характеристика, единственная во всём тексте, только подтверждает этот вывод: «Луначарский откинулся назад, сверкнул пенснэ, внимательно осмотрел нас, молча пожевал губами, а потом сказал речь. Он говорил очень гладко, округленно, довольно большими периодами, чрезвычайно приятным голосом. По его писаниям я знал, что он не умен, самовлюблен и склонен к вычурам. Против ожидания, он говорил совсем просто. Любование собой сказало только в чрезвычайной пространныости его речи, а ее плавности мешало непрестанное подрыгивание ногой» [7]. Во всех чертах видна непоследовательность, всему есть своё противоречие: гладкость и округлённость речи противостоит подрагивающей ноге, а кажущейся простоте – сверкающее пенснэ. Оппозиция в тексте выходит на уровень символа, вынесенного в название.

Светлым и тёплым является только этот кремлёвский «Акрополь», всё остальное пространство характеризуется как «темнота улиц, голод» [Там же], а первый визит писателей в Белый коридор и вовсе дан на максимальном контрасте: «Усталые, голодные, назедавшиеся на заседаниях и настоявшиеся в очередях, мы встретились в темноте у манежа» [Там же]. Но свет, излучаемый Белым коридором, – это не свет добра, наоборот, этот топос противопоставлен божественному, небесному свету и в высшем смысле противопоставляется В. Ходасевичем Богу, который, по молитве героя, должен избавить его от необходимости возвращаться в Кремль. Таким образом, В. Ходасевич развивает инфернальный миф о советской власти посредством обращения к образу А. Луначарского, но существенно травестирует его, оставляя при этом неприятным и пугающим.

Очерк Г. Иванова «Прием у Луначарского» (впервые опубликован в 1927 г.) был включен автором в цикл «Китайские тени». Повествование в этом цикле, в отличие от сборника «Петербургские зимы», ведётся от третьего лица. Композиционно это описание одного дня Луначарского, рамочно оформленного зачином: «У народного комиссара Луначарского – прием в Зимнем дворце» [4, с. 71] – и финалом: «Пора домой, он устал» [Там же, с. 79]. Хронологически же мы имеем два временных пласта: условное настоящее описываемого дня, пока Луначарский при своей власти и статусе, и настолько же условное будущее, где он непременно власть свою потеряет, а на его место придёт куда более деловитый Давид Штернберг.

В отличие от В. Ходасевича, Г. Иванову чужд аксиологический принцип в мемуаристике, он мастер гротеска, доведения типической черты до масштабов абсолюта. Однако характеристика А. Луначарского как персонажа мемуарного текста также начинается с характеристики пространства, обстановки его рабочего кабинета, «обтянутого “весёлым” кретоном в цветочки с декадентским письменным столом» [Там же, с. 72], который назван «изысканным уютом», и отмечается, что нарком мог выбрать помещение и повнушительнее, к его распоряжению весь зимний дворец, что не упустил сделать Штейнер.

Во всём описании Луначарского сквозит декадентский уклон, начиная от стола и заканчивая его секретарём, молодым человеком «бледным, томным, с челкой на лбу, с подведенными глазами и сиреневым галстуком-“папилоном”» [Там же]. При этом как декадент он падок на похвалы своим литературным опытам. Описание приёма Луначарского и его типичного рабочего дня напоминает описание светского салона. «У народного комиссара – приём. Он сидит, поблескивая пенсне, и перебирает бумаги, сметы, чертежи» [Там же, с. 75]. Тут же начинаются несуразицы, реализованные в образе пришедшего дворника, который хочет получить разрешение распилить рояль в подвале дома на дрова, что без личного участия А. Луначарского сделать «никак нельзя». Личный телефон Луначарского разрывается от звонков, но просят позвать товарища Якова – слесаря, о местонахождении которого знает лишь местная служительница, моющая полы, – и вот полomoйка, роняя хлопья пены с локтя на портфель народного комиссара, говорит в присутствии просителя в течение нескольких минут по личному телефону министра.

Находит своё отражение и мотив неумения, незнания, непрофессионализма. А. Луначарский удовлетворяет слишком много прошений. И всё это в духе: «...прошу в виде исключения выдать отсрочку совершенно незаменимому, лично мне известному. Как Ваша фамилия? – Петров. – Лично мне известному товарищу Петрову...» [Там же, с. 74]. Г. Иванов указывает, что пока его просьбы со скрипом ещё исполняют: отсрочки предоставляются, арест с сейфа снимают, «но скоро...». И эта формула становится рефреном. Любопытно отметить, что статья писалась в 1927 году, тогда как А. Луначарский ушел с поста наркома в 1929 г.

Своеобразным апофеозом является тема литературного творчества. Но у Г. Иванова Луначарский читает не чьи-то пьесы, а свою собственную, и превращается в «просто поэта среди братьев» [Там же, с. 78]. У Г. Иванова А. Луначарский – личность, обличённая статусом, и только благодаря статусу значимая, но статуса своего он удерживать не умеет. На приём к нему ходят толпы просителей, потому что их просьбы удовлетворяются, при литературном салоне – вино, икра и ананасы – дефицит для Петербурга времён гражданской войны. Портрета А. Луначарского Г. Иванов не даёт, ограничивается упоминанием пенсне и проникновенного взгляда.

Таким образом, Луначарский выглядит фигурой зависимой и комической, это не смешной, но всё же представитель сил зла, как по В. Ходасевичу, а практически тождественный многим третьесортным поэтам эстет-декадент, со своими поэтическими чаяниями, но обличённый властью, которой распоряжается крайне неумело, и скоро обречённый эту власть потерять. В исторической перспективе Г. Иванов и В. Ходасевич предрекают крушение коммунистического государственного строя, но первый видит это через победу капиталистическо-чиновничьей морали, тогда как второй – через божественное заступничество.

В целом образ А. Луначарского строится в мемуарных текстах Г. Иванова и В. Ходасевича по сходным моделям: замкнутый хронотоп, характеристика через внешние предметы качеств личности, скупые портретные детали, анекдотические вкрапления и пародия на художественное творчество. В результате чего рисуется более или менее однородный образ не слишком умного и не слишком дальновидного человека, скорее актёра, чем грамотного чиновника, но и ещё менее талантливого писателя, что для писательских мемуаров – важнейшая личностная характеристика. А. Луначарский как личность интересует мемуаристов в непосредственной связи с его социальной ролью и метонимически отражает, организует и поддерживает общеэмигрантский культурный миф о советской действительности.

Список источников

1. **Арьев А.** Жизнь Георгия Иванова: документальное повествование. М.: Звезда, 2009. 514 с.
2. **Воронова Е. В.** Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917-1939 гг. на материале мемуаристики: дисс. ... к. культурологии. Киров, 2007. 171 с.
3. **Гусефф К.** Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы). М.: НЛЮ, 2014. 328 с.

4. **Иванов Г.** Китайские тени. М.: АСТ, 2013. 778 с.
5. **Иванов Г. В.** Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Согласие, 1994. Т. 3. 481 с.
6. **Колесников С. А.** Мемуарно-биографическое творчество В. Ф. Ходасевича (концепция личности русских писателей-модернистов рубежа XIX-XX веков): автореф. дисс. ... д. филол. н. Орел, 2012. 20 с.
7. **Ходасевич В. Ф.** Избранная проза [Электронный ресурс]: в 2-х т. Нью-Йорк, 1980. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/h/hodasevich_w_f/text_0140.shtml (дата обращения: 02.11.2017).
8. **Ходасевич В. Ф.** Некрополь. Белый Коридор. М.: Директ-Медиа, 2016. 412 с.
9. **Ходасевич В. Ф.** Собрание сочинений [Электронный ресурс]: в 4-х т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. URL: http://az.lib.ru/h/hodasevich_w_f/text_1030.shtml (дата обращения: 02.11.2017).

THE FIGURE OF A SOVIET POLITICIAN IN THE WRITERS' MEMOIRS OF THE RUSSIAN EMIGRANTS OF THE FIRST WAVE (A. LUNACHARSKY IN THE ESSAYS OF G. IVANOV AND V. KHODASEVICH)

Rogovskii Aleksandr Andreevich
Moscow State University of Education
kurtualdepereir@gmail.com

The article analyzes compositional and stylistic devices, with the help of which the memoirists-emigrants create an image of People's Commissar for Education A. Lunacharsky. The personality of the People's Commissar is given in a wide metonymical and metaphorical sense. A. Lunacharsky personifies the Soviet bureaucratic system and wider – the Soviet state as such. In creating his portrait the writers express their position with respect to the Soviet statehood as a whole. The specificity of creating the image of the official that is not typical of this type of prose is principal in the emigrant memoirs of G. Ivanov and V. Khodasevich.

Key words and phrases: writer's portrait; A. Lunacharsky; writers' memoiristics; literature of the Russian emigration; G. Ivanov; V. Khodasevich.

УДК 8:82.0

Статья посвящена изучению типа «лишнего человека», «русского Гамлета» в отечественной литературе. Исследована роль повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» в становлении социально-психологического комплекса русского гамлетизма. Изучены отзывы о трагедии «Гамлет» и повести «Дневник лишнего человека» критика А. А. Григорьева, одним из первых отметившего взаимосвязь образа Гамлета Шекспира и проблемы русского гамлетизма. Эти отзывы имеют особое значение в контексте творческого диалога писателя и критика о «лишних людях» и русском гамлетизме в начале 1850-х годов.

Ключевые слова и фразы: И. С. Тургенев; А. А. Григорьев; «Гамлет Щигровского уезда»; «Дневник лишнего человека»; русский гамлетизм.

Саррина Мария Яковлевна

Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург
gpd77@mail.ru

«ДНЕВНИК ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» И. С. ТУРГЕНЕВА В ВОСПРИЯТИИ А. А. ГРИГОРЬЕВА

Проблема русского гамлетизма и история восприятия трагедии Шекспира «Гамлет» в России достаточно полно изучена в отечественном литературоведении. Наиболее значимые работы в этой области принадлежат таким исследователям, как М. П. Алексеев [21], В. П. Комарова, Н. А. Никифоровская [14], Ю. Д. Левин [17], Л. М. Лотман [18]. При изучении «русского гамлетизма» как особого явления духовной жизни в России 1830-х – 1840-х годов XIX века традиционно особое внимание уделяется литературному, критическому и эпистолярному наследию В. Г. Белинского, А. И. Герцена, И. С. Тургенева и А. А. Григорьева.

Во многом определили восприятие образа Гамлета у русского читателя статьи В. Г. Белинского о трагедии Шекспира. В конце 1830-х годов Белинский – автор знаковой для своего поколения статьи «“Гамлет”, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838). Именно вдохновенная игра Мочалова во многом определила концепцию статьи: «... вряд ли можно сомневаться в том, – отмечают современные исследователи, – что новаторская мысль – от природы Гамлет человек сильный – возникла у Белинского под влиянием игры Мочалова» [14, с. 91]. В этой статье впервые заявляется «печатно о близости Гамлета современному поколению» [17, с. 167]. Белинский создает «прообраз того восприятия образа Гамлета, которое со временем привело к отождествлению этого образа с типом “лишнего человека” в русской литературе» [14, с. 102].

Статью «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенева, великолепного знатока и горячего поклонника творчества Шекспира, исследователи традиционно связывают с рассказом «Гамлет Щигровского уезда» и повестью «Дневник лишнего человека». Созданный Тургеневым тип «лишнего человека» оказался необыкновенно жизнеспособным. Имя Гамлета стало нарицательным, «понятием, оторвавшимся от своего первоисточника и применявшимся для обозначения некоего социально-психологического комплекса, который и был русским гамлетизмом и ожидал своего воплощения в образе нового Гамлета» [16, с. 214].